

Трансформация исторической памяти Кёнигсберга в советском Калининграде: символическое освоение городского пространства в 1945–1960-е годы

The transformation of the historical memory of Königsberg in Soviet Kaliningrad: the symbolic appropriation of urban space in 1945–1960s

Лавская К.К.

Старший преподаватель кафедры №3 «Истории и управления персоналом», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова», г. Санкт-Петербург
e-mail: Kristinalavskaya@yandex.ru

Lavskaya K.K.

Senior Lecturer at Department No. 3 “History and Personnel Management”, Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, Saint Petersburg
e-mail: Kristinalavskaya@yandex.ru

Варламов А.А.

Студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова», г. Санкт-Петербург

Varlamov A.A.

Student, Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, Saint Petersburg

Клишин В.А.

Студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова», г. Санкт-Петербург

Klishin V.A.

Student, Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov, Saint Petersburg

Аннотация

Рассматривается процесс символического освоения советской властью городского пространства бывшего Кёнигсберга в первые послевоенные десятилетия. Постановка проблемы связана с тем, что переход территории Восточной Пруссии под юрисдикцию СССР в 1945 г. создал уникальную для отечественной истории ситуацию: новые жители получили в распоряжение полностью «чужое» городское пространство, требовавшее символической переработки. На основе научной литературы (работ Ю.В. Костяшова, В.Н. Маслова, Г.В. Крестина, М.В. Берендеева) и опубликованных документов выделяются и анализируются основные направления этого процесса: переименование топонимических объектов, переселенческая политика и формирование новой социальной общности, дифференцированное отношение к архитектурному наследию, конструирование региональной советской исторической памяти. Применяется проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы, элементы анализа политики памяти. Делается вывод о том, что Калининград представляет собой особую модель символического освоения территории,

в которой сочетались тотальная топонимическая замена, селективное сохранение архитектурного наследия и постепенное формирование региональной идентичности, опирающейся на советский нарратив о возвращении исконно славянских земель и одновременно вынужденно сосуществующей с физическим присутствием прусского прошлого.

Ключевые слова: Калининград, Кёнигсберг, Восточная Пруссия, историческая память, топонимическая политика, символическое пространство, региональная идентичность.

Abstract

This article examines the process of the symbolic appropriation of the urban space of former Königsberg by the Soviet authorities during the first post-war decades. The problem stems from the unique situation created by the 1945 transfer of East Prussia to the USSR: the new residents received an entirely "foreign" urban environment that required symbolic reworking. Based on academic literature (works by Yu.V. Kostyashov, V.N. Maslov, G.V. Kretinin, M.V. Berendeev) and published documents, the authors identify and analyse the main directions of this process: renaming of toponymic objects, resettlement policy and formation of a new social community, differentiated attitude towards architectural heritage, and construction of a regional Soviet historical narrative. The study employs problem-chronological and historical-comparative methods together with elements of memory politics analysis. The conclusion is drawn that Kaliningrad represents a distinctive model of symbolic appropriation of territory, combining total toponymic replacement, selective preservation of architectural heritage and the gradual formation of a regional identity based on the Soviet narrative of the return of "originally Slavic lands" while inevitably coexisting with the physical presence of the Prussian past.

Keywords: Kaliningrad, Königsberg, East Prussia, historical memory, toponymic policy, symbolic space, regional identity.

Введение

Калининградская область занимает в составе Российской Федерации особое положение: это единственный субъект, территория которого исторически не была частью Российского государства до 1945 г. и в течение шести-семи столетий развивалась в немецком культурно-цивилизационном поле как ядро бывшей Восточной Пруссии. После завершения Великой Отечественной войны и перехода Кёнигсберга к СССР по решениям Потсдамской конференции возникла беспрецедентная для отечественной практики ситуация: советская власть получила в управление целый регион с инфраструктурой, топонимикой, архитектурой и культурным ландшафтом, сформированными чуждой государственно-культурной традицией. Перед советским государством встала задача не просто административного включения территории, но ее символической переработки – превращения «немецкого» пространства в «советское» и, шире, «русское».

Актуальность нашего исследования определяется тем, что современная Калининградская область сохраняет признаки региона с многослойной исторической памятью, и понимание механизмов ее формирования в первые послевоенные десятилетия позволяет прояснить логику нынешних дискуссий о соотношении немецкого наследия и российской региональной идентичности [4]. После возвращения интереса к «довоенному прошлому» в 1990-е годы и постепенной музеефикации немецкого наследия вопрос о том, какими инструментами и в каком масштабе советское государство производило символическую трансформацию пространства, приобрел не только историческое, но и культурно-политическое звучание.

Сформулируем научную проблему: каким образом и какими средствами в 1945–1960-е годы происходило символическое освоение бывшего Кёнигсберга советской властью и каков был результат этого процесса для формирования региональной исторической памяти? Объектом исследования выступают механизмы трансформации городского пространства Кёнигсберга / Калининграда в первые послевоенные десятилетия. Предметом –

символические практики советского государства и общества в области топонимики, переселения, отношения к архитектурному наследию и формирования исторического нарратива.

Цель нашей работы – выделить и проанализировать ключевые направления этого освоения. В соответствии с целью поставлены задачи: проследить ход топонимической кампании 1946–1947 гг.; рассмотреть переселенческую политику как механизм формирования новой региональной общности; выявить логику отношения к архитектурному наследию; обобщить результаты в виде сводной аналитической таблицы; предложить интерпретацию итоговой модели исторической памяти.

Историография и источниковая база

Изучение послевоенной истории Калининградской области имеет уже более чем двадцатилетнюю традицию. Базовое значение сохраняют работы Ю.В. Костяшова, прежде всего монография «Секретная история Калининградской области: Очерки 1945–1956 гг.», основанная на материалах ранее закрытых фондов федеральных и областных архивов и впервые в систематическом виде представившая историю депортации немецкого населения, заселения области и становления местного аппарата власти [3]. Не менее значимым источником является сборник свидетельств первых переселенцев «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», подготовленный под руководством Ю.В. Костяшова и опирающийся на устные интервью с несколькими сотнями участников переселения [2].

Топонимическая политика в области стала предметом отдельных исследований В.Н. Маслова, прежде всего его статьи «Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году», где детально реконструируется ход подготовки и принятия указов 1946 г., а также показывается, как советские академические учреждения участвовали в формировании установки на восприятие региона как «исконно славянских земель» [7]. Сопоставительный материал по аналогичной кампании в польской части бывшей Восточной Пруссии (Вармии и Мазурах) представлен в исследованиях, опубликованных в «Вестнике Балтийского федерального университета им. И. Канта» [8]. Общетеоретический контекст советских массовых переименований раскрыт в работе К.В. Демьянова «Идеология, топонимика, политика памяти», где топонимические акции рассматриваются как инструмент конструирования общественного сознания [1].

Проблематика отношения к немецкому архитектурному наследию подробно проработана Ю.В. Костяшовым в статье «Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде», где на архивном материале показано, как на протяжении всего советского периода предпринимались попытки сноса руин собора и переноса усыпальницы Канта, и как этим попыткам противостояли творческая интеллигенция и часть учреждений Министерства культуры РСФСР [4]. История российско-пруссских связей и исторический контекст дореволюционного «русского» присутствия в Восточной Пруссии раскрыты в коллективной монографии «Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны» под редакцией Г.В. Кретинина [5], а также в его авторских работах о Восточно-Прусской операции 1944–1945 гг. [6].

Вопросы региональной идентичности и калининградской «политики памяти» рассмотрены в исследованиях М.В. Берендеева [9] и в статье В.Н. Сологубова, посвященной формированию этнокультурной идентичности в регионе [10]. Современный анализ соотношения исторической памяти разных поколений калининградцев представлен в работе Е.П. Зимовиной и К.С. Проданцова [11], а культурная память о Канте в постсоветский период – в публикации, посвященной коммеморативным практикам с именем философа [12].

Источниковая база статьи включает: 1) опубликованные нормативные акты – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1946 г. о создании Кёнигсбергской области и последующие указы 1946–1947 гг. о переименовании населенных пунктов; постановления Совета Министров СССР по хозяйственному устройству и заселению области [13]; 2) сборники документов, прежде всего «Самая западная: Калининградская область

в документах и материалах»; 3) материалы интервью с переселенцами, систематизированные в работе Костяшова [2]; 4) научные публикации и обобщающие работы, перечисленные выше. Авторы намеренно избегают опоры на популярные блоги и неverified ресурсы, ограничиваясь академическими и архивно-документальными источниками.

Методологические основания исследования

Методологически работа строится на сочетании проблемно-хронологического и историко-сравнительного подходов с элементами теории политики памяти. Проблемно-хронологический метод позволяет выделить ключевые направления символического освоения и проследить их в рамках единого временного периода 1945 – конца 1960-х годов. Историко-сравнительный метод применяется для сопоставления советской практики с польской кампанией переименований в Вармии и Мазурах [8], что помогает понять специфику именно калининградского случая. Элементы анализа политики памяти и теории мест памяти заимствуются в той форме, в какой они применяются современными исследователями региональной идентичности [9; 10].

Под **символическим освоением пространства** в данной статье понимается совокупность государственных и общественных практик, направленных на превращение чужого по культурным признакам территориально-городского ландшафта в «свой» через переименование, переселение, селективное обращение с материальным наследием и встраивание региона в общегосударственный исторический нарратив. Под **топонимической политикой** – целенаправленную деятельность государственных органов по замене географических имен, рассматриваемую как инструмент формирования коллективных представлений о принадлежности территории. Под **исторической памятью** – социально конструируемый образ прошлого, поддерживаемый институтами и реализуемый в конкретных мемориативных практиках.

1. Кёнигсберг после 1945 г.: пространство исторического разрыва

Состояние Кёнигсберга к моменту окончания боевых действий было крайне тяжелым. Город пострадал от британских воздушных налетов в августе 1944 г. и от штурма апреля 1945 г., в результате чего историческое ядро – Альтштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф – оказалось в руинах. По решениям Потсдамской конференции 1945 г. северная часть Восточной Пруссии передавалась СССР, и уже 7 апреля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Кёнигсбергская область в составе РСФСР [13]. 4 июля того же года она была переименована в Калининградскую – в память о М.И. Калинине, скончавшемся в июне 1946 г.

Исторический разрыв здесь имел двойной характер. С одной стороны, происходила физическая смена населения: депортация немецкого гражданского населения в 1947–1948 гг. и параллельное организованное переселение советских граждан создали ситуацию, в которой носители прежней культурной традиции практически полностью покинули регион [3]. С другой стороны, советская власть унаследовала городскую инфраструктуру, которая была не просто разрушена, но и нагружена «чуждой» символикой: готические кирхи, прусские форты, замок Тевтонского ордена, многочисленные памятники немецким военным деятелям и немецким же писателям. Перед новой администрацией стоял вопрос: что делать с этим пространством. Возможные стратегии варьировались от полного забвения и сноса до селективной интеграции отдельных объектов в советский нарратив. На практике реализовалась смешанная модель, описанная в нескольких ключевых направлениях ниже.

2. Топонимическая политика как инструмент формирования нового образа города

Переименование стало первой и наиболее массовой практикой символического освоения. Кампания развернулась в два этапа. На первом, в 1946 г., переименовывались сама область и районные центры. Согласно В.Н. Маслову, инициатива принадлежала центральной власти: уже постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1946 г. поручало Совмину

РСФСР подготовить предложения о новых наименованиях [7]. К работе привлекались академические учреждения, перед которыми была поставлена задача обосновать новые названия таким образом, чтобы они закрепляли в общественном сознании представление о территории как об «исконно славянских землях». При этом литовский вариант, предложенный ученым П. Пакарклизом и предполагавший сохранение немецких названий в литовском транскрибировании, был отклонен руководством РСФСР, среди прочего, по политическим соображениям [7].

На втором этапе, в 1947–1948 гг., переименовывались сельские населенные пункты и улицы. Принципы, заложенные в кампанию, реконструируются по совокупности исследований [1; 7]. В выборе новых имен доминировали несколько групп мотивов: память о советских военнослужащих, погибших при штурме и в Восточно-Прусской операции (*Гурьевск, Черняховск, Гусев*); имена русских полководцев, исторически связанных с регионом (*Багратионовск*); указание на функцию или идеологическую характеристику (*Советск, Гвардейск, Пионерский, Светлогорск*); типовые «нейтральные» советские названия с окончанием на *-ск* и *-ово*. Принципиально важно, что в подавляющем большинстве случаев старые немецкие имена не сохранялись даже в виде топонимических дублетов. В отличие, например, от польской практики в Вармии и Мазурах, где допускалось использование адаптированных польских форм, восходящих к славянским корням [8], советская политика на территории Калининградской области избрала путь практически полной топонимической замены.

Для нашей темы существенна не столько хронология самой кампании, подробно реконструированная В.Н. Масловым, сколько ее роль в качестве инструмента формирования нового образа города и региона. Топонимическая система выполняла одновременно несколько функций: легитимирующую (новые названия должны были подтверждать историческое право СССР на эти земли); коммеморативную (превращая регион в «памятник Победы», отмеченный именами павших офицеров и полководцев); и нормализующую (типовые советские топонимы делали регион «таким же, как остальные» области РСФСР). Тем самым переименование становилось не техническим, а программным актом символической переработки пространства.

3. Переселение и формирование советской региональной общности

Параллельно с топонимической кампанией шел процесс переселения. Согласно Ю.В. Костяшову, плановое переселение в Калининградскую область началось летом 1946 г.: организованные потоки направлялись из 27 областей и автономных республик РСФСР, а также из Белорусской ССР и ряда других регионов [3]. Особенностью переселенческой кампании был ее плановый и в определенной мере конкурсный характер: первые переселенцы отбирались по профессиональным и социальным критериям, преимущество отдавалось колхозникам и квалифицированным рабочим. По данным, обобщенным в монографиях и сборниках интервью, к концу 1948 г. в область прибыло несколько сотен тысяч человек, тогда как немецкое население было депортировано в Германию в течение 1947–1948 гг. [2; 3].

С точки зрения символического освоения, переселение играло двоякую роль. Во-первых, оно физически замещало одну культурную общность другой, обнуляя более «живую» носительскую среду немецкой памяти на этой территории. Во-вторых, и это важнее для нашей темы, переселение создавало новый социальный субстрат, который был объективно заинтересован в принятии советского нарратива. Переселенцы, многие из которых были выходцами из разоренных войной областей и не имели до того никакого отношения к Восточной Пруссии, не имели и устойчивых эмоциональных связей с ее довоенным культурным ландшафтом. Их «чувство места» формировалось заново – на руинах, при отсутствии преемственности, в окружении объектов с непонятной для них семантикой. Это создавало благоприятные условия для встраивания региона в общесоветскую систему исторических координат, в которой 1945 год становился точкой нулевого отсчета, а более раннее прошлое отступало на периферию повседневного сознания.

Вместе с тем, как показывают позднейшие исследования региональной идентичности [9; 11], именно среди переселенцев и их потомков постепенно складывался слой «гражданского общества», для которого судьба сохранившихся немецких объектов – кафедрального собора, кирх, фортов, парков – со временем переставала быть безразличной. Эта линия станет особенно заметной в 1960-е годы и далее.

4. Архитектурное наследие и проблема отношения к немецкому прошлому

Если в области топонимики советская политика была однозначно направлена на замещение, то в области материального наследия она оказалась куда более противоречивой. Послевоенный Калининград представлял собой город руин: значительная часть исторического центра была разрушена, и на пустырях постепенно велась новая застройка. Однако сохранившиеся объекты – Кафедральный собор на острове Кнайпхоф (с 1972 г. – остров имени Канта), кирхи (Луизы, Святого Семейства, Креста и др.), фортификационные сооружения XIX в., замок – постоянно становились предметом административных решений и общественных обсуждений.

Наиболее показательной является история Кафедрального собора. Как реконструирует Ю.В. Костяшов на основе архивных материалов, на протяжении всего советского периода вплоть до начала перестройки местные партийные и государственные органы неоднократно предпринимали попытки снести руины собора, а усыпальницу Канта, расположенную у его стены, переместить в другое место [4]. В защиту обоих памятников выступали представители творческих союзов, интеллигенция и зарождающееся в Калининграде гражданское общество, поддержанные культурными организациями в Москве, в том числе Министерством культуры РСФСР. Среди обсуждавшихся проектов использования руин собора фигурировали университетская библиотека, обсерватория, концертный зал и театр под открытым небом [4]. В итоге собор сохранился – но в течение десятилетий он оставался руиной, окруженной пустырем, и его реальное восстановление началось только в постсоветский период.

Иной была судьба Королевского замка: его руины простояли до 1968–1969 гг. и были снесены по решению областного руководства, после чего на освобожденном месте было начато строительство Дома Советов. Этот случай особенно показателен: снос замка стал одной из самых заметных утрат символического капитала города, и в постсоветский период именно фигура несуществующего замка превратилась, как замечают современные авторы, в один из главных архитектурных символов Калининграда – несуществующий памятник как культурный знак [4]. Дом Советов, построенный на его месте и не введенный в эксплуатацию, остался незавершенной советской альтернативой утраченному прусскому ядру.

Особое положение в этой системе занимала фигура Иммануила Канта. С одной стороны, его принадлежность к немецкой культуре делала его проблемной фигурой для радикальной советизации пространства. С другой стороны, философ был давно интегрирован в общеевропейскую и в советскую философскую традицию через линию немецкой классической философии, на которую опирался марксизм. В результате уже в советский период могила Канта оставалась относительно защищенным объектом, а в постсоветский период имя Канта стало одним из ключевых символов калининградской культурной политики и было присвоено университету [12].

В области архитектурного наследия советская стратегия была не унифицирующей, а селективной: одни объекты сносились или планировались к сносу, другие сохранялись усилиями интеллигенции, третьи постепенно встраивались в новую культурную ткань.

5. Калининградская идентичность между советским проектом и наследием Восточной Пруссии

К концу 1960-х годов в Калининградской области сложилась совокупность условий, в которых начала формироваться особая региональная идентичность. Ее основу составляли: новая, переселенческая по происхождению, демографическая структура; полностью обновленная топонимическая система; смешанный материальный ландшафт, в котором

советская застройка соседствовала с фрагментами прусского наследия; и официальный нарратив, акцентировавший Восточно-Прусскую операцию и подвиг Красной Армии как ключевые события региональной истории.

Современные исследования региональной идентичности фиксируют, что результат этого процесса оказался противоречивым. С одной стороны, советский проект достиг значительных успехов: к концу советского периода Калининград и область прочно воспринимались населением как часть СССР/России, без активной ностальгии по немецкому прошлому в широких слоях населения [9; 10]. С другой стороны, физическое присутствие прусского наследия – кирх, фортов, фрагментов застройки районов Амалиенау и Марауенхоф – никогда не позволяло сделать символическое освоение полным. Уже с 1960-х годов в краеведческой литературе и затем в культурной публицистике начинают появляться отсылки к довоенной истории региона, которые в постсоветский период развернулись в полноценный процесс «открытия Кёнигсберга» как культурного предка нынешнего Калининграда [12].

Эту специфическую конфигурацию памяти можно охарактеризовать как двусоставную модель: советский нарратив о возвращении исконно славянских земель и победе 1945 г. выполняет функцию политически легитимирующего слоя, а прусское наследие в его материальной форме обеспечивает региональную уникальность и культурное своеобразие, отличающее Калининград от других регионов России. По данным социологических исследований последних лет [11], для разных поколений калининградцев соотношение этих двух слоев различается: для первого поколения переселенцев доминировал советский нарратив, тогда как для последующих поколений возрастало значение довоенного слоя, особенно после 1990-х годов.

Таблица 1

Основные направления символического освоения Калининграда в 1945–1960-е годы

Направление	Историческое содержание	Практическое проявление	Значение для формирования городской идентичности
Топонимическое замещение	Замена немецких географических имен русскими в 1946–1948 гг.	Указы 1946–1947 гг. о переименовании области, городов, поселков, улиц; новые имена увековечивают советских военных и литераторов	Закрепление образа «исконно славянских земель»; превращение региона в «памятник Победы»
Замещающее переселение	Депортация немецкого населения и плановое переселение из РСФСР, БССР и др.	Прибытие сотен тысяч переселенцев в 1946–1948 гг.; формирование нового состава населения	Создание социального субстрата без эмоциональных связей с довоенным ландшафтом; формирование общесоветского «чувства места»
Селективное обращение с архитектурным наследием	Сочетание сноса, консервации и нейтрализации немецких объектов	Снос Королевского замка (1968–1969); попытки сноса и сохранение	Двойственная городская среда; сохранение материального следа

Направление	Историческое содержание	Практическое проявление	Значение для формирования городской идентичности
		Кафедрального собора; постепенное использование кирх под склады, музеи и концертные залы	прусского прошлого вопреки идеологическому давлению
Конструирование исторического нарратива	Встраивание региона в общесоветскую модель Победы и довоенной «русской» истории региона	Музей штурма Кёнигсберга; мемориалы советским воинам; акцент на Семилетней войне и пребывании Канта в российском подданстве	Региональная идентичность с акцентом на 1945 г. как точку отсчета; селективная интеграция отдельных довоенных фигур (Кант)
Институциональная нормализация	Включение области в типовую советскую административную и культурную систему	Создание партийных, советских, образовательных, культурных учреждений по союзным образцам; приток рыбопромышленного и научного потенциала	Снижение «инаковости» региона; восприятие Калининграда как «такой же» области РСФСР

Источник: составлено авторами на основе [1; 3; 4; 7; 9; 10]

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, символическое освоение Кёнигсберга советской властью в 1945–1960-е годы было не разовым актом, а системой взаимосвязанных практик, охватывавших топонимику, демографию, материальное наследие и историческое повествование. Эта система реализовывалась последовательно и опиралась как на государственную инициативу, так и на работу академических учреждений.

Во-вторых, в области топонимики советская политика избрала путь практически полного замещения, отказавшись от модели топонимических дублетов. Сравнение с польской практикой в Вармии и Мазурах показывает, что калининградский случай тяготел к более радикальному варианту – что объясняется как идеологической установкой на «исконно славянские земли», так и отсутствием значимой славянской топонимической традиции на этой территории.

В-третьих, в области материального наследия советская стратегия оказалась внутренне противоречивой. Радикальные решения (снос Королевского замка) сосуществовали с частичной защитой ключевых объектов (Кафедральный собор, могила Канта), причем защита нередко исходила не от центральной власти, а от формирующейся в регионе интеллигенции и творческих союзов. Это противоречие сохранило в городской ткани материальные носители довоенной истории, что в долгосрочной перспективе ограничило успешность тотального символического замещения.

В-четвертых, переселение, планировавшееся как простое демографическое замещение, в реальности создало новую социальную общность, у которой со временем выработалось свое

отношение к материальному наследию региона. Именно из этой общности постепенно вышли инициативы по сохранению немецких памятников, что особенно ярко проявилось в постсоветский период.

В-пятых, в результате описанных процессов в Калининградской области сложилась двусоставная модель исторической памяти, в которой советский (Победа, переселение, «исконно славянские земли») и довоенный (Кант, Кафедральный собор, прусская архитектура) слои не вытесняют, а сосуществуют – каждый занимая свою нишу.

В-шестых, исследовательский результат работы состоит в том, что Калининград является не «переименованным городом», а особым типом региона с уникальной для российской истории моделью символической памяти, сложившейся в результате наложения тотальной топонимической замены на сохранение материального следа предшествующей цивилизации.

Эта модель требует дальнейшего изучения, в том числе на материалах сравнительной урбанистики и сравнительного источниковедения, для чего перспективным представляется сопоставление калининградского случая с примерами Гданьска и Вроцлава, имеющих частично сходные исторические траектории.

Литература

1. Демьянов К.В. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 192–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-toponimika-politika-pamyati-o-massovom-pereimenovanii-gorodov-v-sssr> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю.В. Костяшова. — СПб.: Изд-во Бельведер, 2002. — 264 с.
3. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области: Очерки 1945–1956 гг. — Калининград: Терра Балтика, 2009. — 352 с.
4. Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. — 2016. — Т. 35, № 4 (58). — С. 79–102. URL: https://journals.kantiana.ru/kant_collection/3426/9646 (дата обращения: 01.05.2026).
5. Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / В.И. Гальцов, В.С. Исупов, В.И. Кулаков и др.; под общ. ред. Г.В. Кретицина. — Калининград: Кн. изд-во, 1996. — 538 с.
6. Кретицин Г.В. Битва за Кёнигсберг. Восточно-Прусская кампания 1944–1945 гг. — М.: Вече, 2020. — 320 с.
7. Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2014. — Вып. 12. — С. 58–69.
8. Маслов В.Н. Кампания по переименованию в Вармии и Мазурах после Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 3. — С. 65–75. URL: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/3291/9265/> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Берендеев М.В. «Кто мы?»: калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. — 2007. — № 4. — С. 69–77. URL: http://identityworld.ru/_ld/1/173_Berendeev.pdf (дата обращения: 01.05.2026).
10. Из Кёнигсберга в Калининград: о формировании этнокультурной идентичности // Российский институт стратегических исследований (РИСИ). URL: <https://riss.ru/analitics/976/> (дата обращения: 01.05.2026).
11. Зимовина Е.П., Проданцов К.С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. — 2022. — № 2. — С. 7–27.

12. Иммануил Кант в культурной памяти калининградцев (постсоветский период) // Кантовский сборник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immanuil-kant-v-kulturnoy-pamyati-kaliningradtsev-postsovetskiy-period> (дата обращения: 01.05.2026).
13. Самая западная: Калининградская область в документах и материалах за 1945–1962 гг. — Калининград: Калининградское книжное издательство, 1980. — 352 с.